

ПОЛЖИЗНИ В ДЕРЕВНЕ

Впервые Цунено покинула родные места в 1816 году¹. Направлялась она вовсе не в блистательный Эдо, а в поселение под названием Оисида, что находилось в северной провинции Дэва. Дорога туда не уводила слишком в сторону от столицы, но с тем же успехом путь мог вести и на край света — по крайней мере, девочке казалось, что направляется она именно туда. Никто из жителей провинции Этиго не читал об Оисиде. Никто не мечтал поехать в провинцию Дэва — разве что картографы или путешественники, чьему сердцу милы горные хребты, лесные чащи и медведи. Климат в провинции Дэва был даже более суровым, чем в Этиго. Зимние ели, заваленные снегом, напоминали скалящихся чудовищ, примерзших к склонам гор.

Путь из деревни Исигами в Оисиду — почти двести девяносто километров — оказался трудным и долгим. Возможно, Цунено добиралась туда на лодке, сначала по морю вдоль побережья, а затем вверх по реке. Может быть, шла пешком по прибрежной дороге, а потом через горы, по стопам знаменитого поэта Мацуо Басё, который преодолел такой же путь в 1689 году. Он искал свободы от мирских привязанностей,

что отчасти сродни состоянию просветления, а потому довольствовался обществом одного-единственного спутника, тоже поэта. «Месяцы и дни — странники вечности. Годы, которые приходят и уходят, тоже путники»², — писал Басё. Он желал шагать налегке и потому прихватил с собой лишь старые плащ и шляпу, да еще кисти и тушь, чтобы писать хокку. Путешествие Цунено выглядело несколько иначе. Она отправилась в путь с провожатыми и багажом, к тому же обремененная ожиданием предстоящего. Она собиралась исполнить обязательство. Собиралась выйти замуж. В свои двенадцать лет.

С раннего детства Цунено знала, что однажды ее обязательно выдадут замуж. Как, собственно, всякую другую девочку³. Знала, что от нее ничего не зависит, поскольку девушки ее положения в обществе не выбирали себе мужей. Об их будущем заботились родители. Пока Цунено занималась шитьем и чтением, отец и мать искали ей подходящего жениха. Они рассылали письма, нанимали посредников, договаривались о выплатах и обменивались дарами; покупали зеркала и косметику, одежду и мебель. Следовало тщательно и заботливо упаковать приданое, ведь Цунено предстоял неблизкий путь. Провинция Дэва находилась слишком далеко, чтобы девочка имела возможность на месяц вернуться в отчий дом, как было принято делать после свадьбы, когда дочь впервые навещала родителей в качестве замужней женщины. Цунено предстояло одной налаживать отношения с новой семьей в незнакомом месте, а своим родителям оттуда она могла лишь посылать письма.

Эмон и Харума не были людьми жестокими и равнодушными. Конечно, двенадцатилетний возраст невесты считался очень юным⁴, но в их семье уже случались подобные браки: например, тетю Цунено, Тисато, выдали замуж в тринадцать лет⁵. Девочки, уходившие так рано в чужую семью, вероятно, сильнее тосковали по дому, чем невесты постарше; однако на первых порах с ними обычно обращались не слишком строго, давая время привыкнуть к домашним обязанностям и правилам, выполнения которых от них ожидали как новая семья, так и супруг. У большинства двенадцатилетних девочек еще не было менструаций⁶, поэтому, по общему мнению, они не считались созревшими для интимной близости, в какую и не вступали, пока им не исполнится хотя бы четырнадцать лет⁷. Наверное, Эмон и Харума вполне полагались на новых родственников, по крайней мере родителей Цунено явно заверили, что они подобрали для дочери лучшую из всех возможных партий и вполне могут доверять семье мужа. Жених, как и сам Эмон, служил священником, проповедующим учение Истинной Школы Чистой Земли; их семьи на протяжении нескольких поколений состояли в дружеских отношениях и вели между собой переписку⁸. Храм Дзёгандзи, новый дом Цунено, был широко известным, а поселение Оисида — оживленным и процветающим, в нем жило около тысячи человек⁹. После храма Ринсендзи в деревеньке Исигами в каком-то смысле это был шаг вверх — даже если и в сторону от главных городов страны.

Южные окрестности Оисиды славились золотыми полями сафлора¹⁰. Басё, посетивший эти края в XVII веке,

писал, что местные поэты возвращают свои старомодные творения, словно цветы из лежалых семян¹¹. Настоящими цветами занимались крестьяне из близлежащих деревень: они выходили собирать урожай в начале лета, на утренней заре, когда еще не рассеивался туман, — именно в этот час острые листья сафлора особенно блестели от росы. Крестьяне срывали соцветия, спрессовывали их в маленькие желто-оранжевые диски, а затем продавали посредникам, которые взваливали мешки с товаром на лошадей и везли в Оисиду. Там, в городе, уже другие работники перегружали мешки на лодки, которые плыли вниз по реке Могами в Японское море. В конце концов сафлор попадал в императорскую столицу Киото, где из него делали косметику и краску для ткани. Крестьяне, работавшие в полях вокруг Оисиды, пели песню: «Я тоже хочу поехать в столицу на черной лошади, вместе с сафлором»¹².

Цунено родилась и росла среди рисовых полей Исигами, но взрослеть ей пришлось среди складов с черепичными крышами и лодок с белыми парусами Оисиды. Цунено прибыла в храм своего мужа девочкой-невестой, слишком юной даже по меркам того времени, — там, в храме, она повзрослела и стала зрелой полноценной личностью. Но формально изменение статуса девушек происходило именно с момента их вступления в брак¹³. У юношей все было иначе. Подростки крестьянские мальчишки проходили обряд инициации: им коротко подстригали волосы, облачали в мужскую одежду и давали новые имена. После этой церемонии они могли носить священные паланкины во время деревенских праздников, а иногда даже проводить

обряд бракосочетания. Для сыновей священнослужителя, как, например, для братьев Цунено, момент перехода к зрелости наступал по принятии сана. Но если ты девочка, то, к какому сословию ты ни принадлежала бы: будь ты дочь самурая или священника, купца или крестьянина, главной вехой твоей жизни становилось замужество. В каком краю и в какой семье ты ни родилась бы, только брак делал тебя женщиной. После свадебной церемонии ты появлялась с тщательно черненными зубами, для чего использовали специальный порошок с металлическим привкусом, — это было символом твоего перехода в новое социальное и семейное положение. Впредь тебе разрешалось носить кимоно с короткими рукавами, а прическу делать более округлой. Даже если впоследствии брак распался, ты уже никогда не смогла бы стать прежней.

Помимо внешних изменений не менее глубокие перемены происходили и во внутренней жизни Цунено. Должно быть, вначале девочку завоροжил образ незнакомого мужчины, внезапно ставшего ее мужем. Дни Цунено протекали на фоне привычных ей с детства жизненных ритмов, связанных с молитвами, службами, подношениями, звуками колоколов, — только в чужом для нее пространстве. Так что, скорее всего, она занимала себя тем, что изучала этого человека. Его манеру двигаться, есть, всхрапывать во сне. Вероятно, она всматривалась в его лицо, прислушивалась к его молчанию, подмечала вкусы и привычки, сравнивала со своими отцом, дедом, старшими братьями. Наверное, пыталась подладиться под его требования, даже если они казались ей странными или неприятными. Угодать

желаниям мужа — такого поведения ожидали от всех юных жен; ему учили с детства, о нем говорилось во всех наставлениях — и даже самой упрямой двенадцатилетней девочке было бы трудно найти в себе силы не подчиниться этому правилу. Видно, она обучалась и менялась, преследуя довольно-таки заурядную цель: прожить чуть посчастливее и чуть побогаче, чем получилось у ее матери.

Однако Цунено, которая позже столь красочно описывала все перипетии своей жизни, ни разу не упомянула о тех первых годах, проведенных вдали от семьи в чужом месте. К тому времени, когда у нее вошло в привычку обращаться к бумаге и кисточке, ее первый ранний брак был уже настолько в прошлом и так глубоко в нем похоронен, что никогда не всплывал в ее памяти.

Пока Цунено осваивалась в Оисиде, ее братьям и сестрам хватало забот с собственными браками.

Киёми, самая близкая к ней по возрасту, тоже вышла замуж за храмового служителя, однако деревня, куда она переехала, находилась совсем рядом. Иногда она даже забегала к матери, чтобы взять в долг бочонок для приготовления мисо^{*14}. Муж Киёми и ее старший брат Гию часто обменивались письмами, в которых делились опытом, например сколько нужно платить работникам за уборку снега¹⁵. Ее окружал налаженный привычный быт: деревенский

---

* *Мисо* — традиционное блюдо японцев; готовится путем брожения соевых бобов, риса, пшеницы и плесневых грибов в бочонке или ведре; подается в виде пасты.

храм, общий круг соседей и друзей. Но все равно жизнь сестры Цунено складывалась непросто.

Киёми была остра на язык, но при этом, как жаловался ее муж, она обижалась на малейшее его замечание¹⁶. Она не так тщательно следила за алтарем, как ему хотелось бы, и не проявляла должного радушия к их пастве. Муж становилось все труднее справляться с делами, потому что поддерживать порядок в деревенском храме всегда лучше двоим — священнику и его жене. Дошло до того, что он начал сомневаться в своем выборе. Муж Киёми написал Гию письмо, в котором объяснил, что терпение его подходит к концу и он просит его поговорить с сестрой. Однако, похоже, Гию отказался вмешиваться в чужую семейную жизнь. Или, что более вероятно, его увещевания пропали даром.

В конце концов за дело взялся отошедший от дел свекор Киёми — это известно из его письма: «Она ведет себя как преступница, и я этого не потерплю. Я посажу ее в клетку, которую уже начал строить»¹⁷. Подобное наказание своевольной жены не считалось чем-то из ряда вон выходящим; подчас запертым в деревянной клетке мог оказаться и несговорчивый вельможа — пусть ему и просовывали сквозь прутья, бормоча всяческие извинения, изысканные яства¹⁸. Но столь недвусмысленное и публичное утверждение власти семьи над отдельной личностью было унижительно. Клетки выставляли во дворах или передних комнатах¹⁹, чтобы соседи могли насладиться зрелищем наказания. Таким образом, с помощью

демонстративной жестокости защищались семейные ценности и семейная репутация — именно в этом и заключался смысл заточения.

С годами Киёми научилась смирению. Она осталась с мужем, поделила с ним служение и родила по меньшей мере двоих детей, чье появление на свет отметили дарами и празднествами. Но до самого конца жизни она, пожалуй, вздрагивала, когда в дом приходили плотники, — вспоминала свекра и деревянные прутья клетки.

Переход Гию к семейной жизни оказался не менее тяжким и постыдным²⁰. В первый раз он женился в 1828 году, и сразу после свадьбы его отец Эмон отправился в длительное паломничество, оставив храм на попечение сына. Гию тогда было всего двадцать восемь, но обязанности главы семьи и храмового служителя он исполнял уже как лет пять²¹ — вполне достаточно, чтобы молодой человек выучил свою роль. Гию хорошо усвоил, где должен сидеть, что должен говорить и кто должен его слушать. Однако в семье он не пользовался безусловным авторитетом и не всегда умел настоять на своем. Особенно это стало ясно, когда во время отсутствия отца ему пришлось самому опекать пятерых младших детей — братьев и сестер, — которые пока еще жили в отцовском доме. Едва почувствовав слабину, они не давали ему передышки. Братья пытались сесть на его место и не слушались, когда он отправлял их купить дрова. Сестра Ино, совсем еще маленькая девочка, прилюдно, на глазах прихожан, дразнила его. А между тем ему следовало учить молодую жену, новую хозяйку Ринсендзи, управлять повседневными делами храма.

Задача была ответственной и далеко не из легких, и Гию ощущал это весьма остро.

Первый месяц брака прошел, как он и ожидал, совершенно благополучно. По крайней мере, за то время не случилось ничего из ряда вон выходящего, что понадобилось бы записывать в дневник. Потом его молодая жена отправилась погостить, как полагалось по традиции, к своим родителям — и вдруг все внезапно изменилось. В его дом вернулся совсем другой человек. Она стала неузнаваемой. Отказывалась выполнять требования мужа и демонстративно пропускала мимо ушей его рассуждения о конфуцианской и буддийской этике. Забросила домашние дела и настроила против себя младших сестер мужа: Госоно и Ино постоянно жаловались на нее матери. Гию попытался призвать жену к порядку, но в ответ она лишь угрюмо буркнула: «Делаю что хочу. И ты тоже поступай как хочешь. Возьми себе наложницу или содержанку — мне все равно».

Гию буквально схватился за голову. В его мире женщины так не разговаривали. И молодая жена, без сомнения, не имела права подобным образом обращаться со своим мужем. Скорее всего, когда Гию говорил о пренебрежении ею своими домашними обязанностями, то подразумевал и исполнение супружеского долга. Разумеется, от жены ожидалось, что она будет удовлетворять желания мужа. Ее прямой отказ, выраженный в такой откровенной и грубой форме, был делом неслыханным.

Гию решил развестись, хотя многое его останавливало: отец еще находился в отъезде; скоропалительный развод

считался делом позорным; его семья совсем недавно потратила на свадьбу целое состояние; но самое главное — имелись все основания полагать, что жена беременна. Как требовалось поступить в таком случае? Вряд ли можно было бы ожидать, что он будет продолжать мириться с ее непокорным, дурным нравом. Наконец, собравшись с духом, Гию все ей высказал. Наутро он собирался послать посредников к ее родителям и через них сообщить о расторжении брака с их дочерью.

Вероятнее всего, Гию ожидал или угрюмого согласия, или пристыженного молчания, или хотя бы неискренних обещаний исправиться. Но к случившемуся далее он совершенно не был готов. Жена, которая несколько месяцев вела себя дерзко и вызывающе, бурно разрыдалась и едва могла говорить. Наконец, совладав с собой, она рассказала мужу историю столь ужасную и отвратительную, что смысл ее не сразу дошел до него. В пятый месяц года, незадолго до поездки в родительский дом, она плохо себя почувствовала и прилегла у себя в спальне, туда ворвался какой-то мужчина и изнасиловал ее.

После этого страшного признания вся ярость, копившаяся в душе молодой женщины, казалось, обратилась в отчаяние. В следующие два дня она отказывалась от еды, все время плакала и просила прощения. Гию был раздавлен. Он никого не послал к ее родителям, не стал готовить бумаги о разводе, а решил выждать. Выяснилось, что жена и впрямь беременна, но установить точный срок и понять, чьего ребенка она носит, в те времена, естественно, не представлялось возможным. Впрочем, едва ли

это имело значение для Гию. По его словам, он собирался расторгнуть брак еще в те дни, когда искренне считал себя отцом будущего ребенка. Недостойное поведение — вот что представляло для него первостепенную важность, когда он думал о жене. В конце концов, в первую очередь ему надлежало заботиться о храме. Как и муж Киёми, его сестры, он не сможет справляться со своей службой без верной и надежной помощницы — жены.

Для самой женщины, наверное, та осень и зима тянулись бесконечным кошмаром. Когда лужи во дворе превратились в сплошной лед, ей уже каждый день приходилось повязывать оби чуть свободнее и выше, а походка ее становилась все тяжелее. Возможно, она ругала себя, что не сумела преодолеть гнев и отчаяние, и сожалела о сделанном признании. Или, желая вернуться к родителям и начать жизнь с чистого листа, продолжала с тупой враждебностью перечить всем и каждому, вынуждая мужа отослать ее прочь из дома. А может быть, они с Гию заключили хрупкий мир — некое молчаливое соглашение, о чем он благоразумно умолчал в своем дневнике. В любом случае она не могла не знать, что дни ее в Ринсендзи сочтены. Должно быть, она просто избрала выжидательную позицию.

Ранней весной, примерно через девять месяцев после изнасилования, жена Гию отправилась в отчий дом. Вряд ли кто-то усмотрел в этом неладное. Довольно часто, когда подходил срок рожать, молодые женщины предпочитали находиться под присмотром своих родителей. Однако те тревожные дни растянулись на недели, а Гию

так и не посылал за женой. Он даже ни разу не полюбопытствовал, как там ребенок. Наконец родители молодой женщины поняли: происходят какие-то ужасные вещи. Они принялись писать письма, наняли посредников и даже принесли зятю извинения — наверное, сами толком не понимая, за что. Но Гию не стал им ничего объяснять. Пытался ли он таким образом пощадить их дочь? Или защитить собственное доброе имя? Он лишь сообщил — в самых общих чертах, — что их семейная жизнь не сложилась. Закончилось все тем, что он отправил родителям жены уведомление о разводе.

Гию не искал насильника, поскольку и так знал его имя. То был его младший брат Гирин. Однако Гию так и не заставил себя написать об этом в дневнике. Он поступил иначе. Оставил довольно длинный рассказ об изнасиловании своей жены, а затем, без всякой видимой связи с этим инцидентом, описал то наказание, которое почему-то понес его брат. Никаких объяснений о зависимости двух событий. Оставил лишь беглое замечание: «Нет нужды излагать здесь проступок, совершенный Гирином в пятый месяц года»²². Затем, после долгих рассуждений, как сложно держать в узде непокорных братьев, Гию пришел к весьма удобному для себя выводу, что ссора с Гирином случилась «из-за злодеяния моей жены». К тому времени вышеупомянутая жена уже давным-давно оставила его дом. В семейных хрониках Ринсендзи больше никогда не упоминалось ни о ней, ни о ее ребенке.

На следующий год Гию женился во второй раз²³. Его новая жена, Сано, благополучно осилив первый год брака,

взяла на себя роль хранительницы храма. Жила она тихо и безупречно. Ни разу за все годы Сано не причинила никакого беспокойства, ни разу не подала повода, чтобы ее поведение обсуждалось в каких-либо записях семейной хроники. Не сохранилось никаких записок, сделанных ее рукой, хотя, несомненно, она была грамотной женщиной. Когда Сано умерла в 1859 году, ее проводили в загробную жизнь, на прощание добавив к ее имени второй иероглиф имени Гию²⁴. Очевидно, она была идеальной супругой.

Кто может сказать, что делает брак прочным? Возможно, Сано всегда держалась настороже, вела себя осмотрительно, так как была уже однажды чем-то травмирована в собственной жизни, так никем и не признанной. Или вместо подробного рассказа о брате своего мужа, вместо ожидаемых объяснений она сталкивалась лишь с внезапными паузами, странными недомолвками, торопливо отводимыми взглядами при любом упоминании ее деверя Гирина. Впрочем, не исключено, что она — и не только она — слышала историю своей предшественницы. Приходя в храм, женщины любили посудачить²⁵. Когда Сано вышла замуж, ей исполнилось уже двадцать пять лет²⁶. Несомненно, кое-что повидав в жизни, она знала, чем дорожат мужчины, на что они могут пойти, чтобы защитить себя и свою репутацию. Она была достаточно умудрена опытом, чтобы понимать, когда лучше не рисковать и держать язык за зубами.

Так, помалкивая и усердно хлопоча по дому, Сано за десять лет, с 1832 по 1842 год, родила пятерых детей²⁷. Она, конечно, могла рассчитывать на помощь служанок,

младших сестер Цунено и своей еще вполне энергичной свекрови, но все равно забот ей хватало: младенцы, стирка, детские болезни и истерики, разбитая посуда, сопливые носы. Надо было подметать в комнатах, приглядывать за слугами, заботиться о муже, навещать деревенских женщин, возлагать приношения на алтарь. В эти годы на ее плечах держался весь дом. Должно быть, Сано понимала, что ей очень повезло. Брак с Гию устоял, все ее дети выжили. Хозяйство было крепким, велось надежным образом. Ей не требовалось работать в полях и не приходилось мучительно думать, где взять денег на мисо, саке и масло для ламп. Даже если иногда ей казалось, что всего этого для нее мало, если подчас, молясь Будде Амиде, она ловила себя на горьких мыслях, если вдруг ей хотелось высказаться довольно резко, Сано ничем себя не выдавала.

Она была напрочь повязана долгом, ежедневными заботами, детьми, которые нуждались в ее заботе, прочным многолетним браком, а может быть, и любовью. И хотя в стенах Ринсендзи обычно висела напряженная тишина, братья и сестры, родители и дети все-таки проявляли друг к другу нежную привязанность. Цунено писала матери теплые письма²⁸ и часто спрашивала, как дела у Сано. Она слала домой подарки и волновалась, если кто-то из родных болел. Гию любил братьев — по крайней мере, твердо верил, что *должен* их любить, а они должны отвечать ему взаимностью²⁹. В позднейшие годы Цунено не перечила ему в письмах. Сколько бы она ни спорила с Гию³⁰, он все равно оставался ее старшим братом.

Но если Гию и Сано полюбили друг друга, то их чувство зародилось, выросло и окрепло где-то между строк: не в многословии семейной хроники, а в вечном безмолвии храма.

Осенью 1829 года, когда Цунено была замужем уже целых тринадцать лет, в Оисиде неожиданно появился ее младший брат Гирин³¹. И она, видимо, заподозрила неладное. Ведь Гирин был уже довольно взрослым, но почему-то не женился, не обзаводился собственным хозяйством. Вместо этого он целыми днями учился у ее мужа и помогал вести службы в Дзёгандзи. Определенных планов на будущее у него, кажется, не было.

Впрочем, Цунено тогда хватало своих забот. Она только что вернулась из долгого путешествия в Киото³², где побывала вместе с матерью и свекровью. От Киото до Оисиды было более восьмисот километров, и на обратном пути женщины ненадолго остановились в деревне Исигами. Наконец Цунено увидела большой город: роскошно одетые толпы на мосту Сандзё, великолепие Хигаси Хонгандзи — главного храма их Истинной Школы Чистой Земли. Вздурораженная первым дальним путешествием в своей жизни, она, возможно, не заметила, что Гирин несчастен и терзается муками совести. Он не мог забыть содеянное. В своих письмах домой он писал, что при мысли о собственной жизни — о дурных поступках, ошибках и лжи — волосы у него встают дыбом³³. Гирин не упоминал о первой жене брата, но это было и не нужно. Гию прекрасно понимал, что тот имеет в виду.

На следующий год после того, как Гирин перебрался в Оисиду, храм Дзэґандзи внезапно загорелся — огонь спалил его дотла³⁴. Если местные жители даже и знали, почему начался пожар, если у них и имелись разные подозрения, то письменных свидетельств об этом никто не оставил — а может быть, они и были, но не сохранились. Какие бы обвинения и взаимные упреки ни последовали вслед за пожаром, они были либо выражены вскользь, либо тщательно скрыты. Остались лишь отчеты об ущербе. Пострадал весь комплекс: здание храма рядом с самим Дзэґандзи потеряло свой главный зал; сгорели жилой дом, кладовые, колокольня, отхожие места, крытые галереи, ведущие через сад. К счастью, огонь пощадил золотые алтарные статуи Будды, книгу рождений и смертей и прочие архивные документы. Но храм Дзэґандзи лишился всей коллекции сутр³⁵ — священных буддийских текстов, которые собирали многие поколения семьи мужа Цунено. Трудно представить более горькое и наглядное доказательство эфемерности материального мира.

В дальнейшем храм был перестроен, почерневшие от копоти надгробные камни заботливо отчищены, а собрание молитвенных текстов частично восстановлено, что потребовало немалых усилий. Однако семья служителя так и не оправилась от удара. Осенью 1831 года, когда муж Цунено пытался заново отстроить дом предков, сама она отправилась назад, в провинцию Этиго. Вскоре ее родные получили уведомление о разводе³⁶.

К тому времени Цунено провела в Оисиде более половины уже прожитых ею годов. В течение пятнадцати лет

она присутствовала на всех праздниках, поминках и молебнах в храме. Она знала имена всех прихожан в лицо, поздравляла их с рождением детей, приносила соболезнования, когда они хоронили близких. На ее мужа и на ней самой лежала ответственность за сотни людей³⁷. Она постигла все секреты управления хозяйством и научилась ловко выполнять свои обязанности, менявшиеся в зависимости от времени года. Перед Новым годом она хлопотала по дому и бегала по делам с раннего утра, растирая оочеченевшие руки. Весенними ночами, когда река Могами бурлила так, что слышно было из храма, она лежала без сна, вслушиваясь в шум дождя. Летом, когда в лугах замирали цапли и журавли, а в листве кричали цикады, она принимала в дар свежие овощи. Она привечала неожиданных гостей, ходила в окрестные деревни, в меру сил справлялась с домашними неурядицами. Но теперь все это осталось в прошлом — Цунено не собиралась возвращаться.

Наверное, родные Цунено постарались бы спасти ее брак, живи супруги не так далеко. Но они были бессильны помочь ей на расстоянии. Гию ответил на письмо с уведомлением о разводе весьма любезным посланием: «Родители мои раздавлены горем, но понимают, что такова воля судьбы и поделаться ничего нельзя. Они благодарят за то, что вы приняли Цунено в семью совсем юной и заботились о ней пятнадцать лет»³⁸. На этом, если судить по семейным архивам, в истории ее первого брака была поставлена точка.

Быть может, Цунено любила мужа и писала матери, как ей повезло в жизни. Быть может, у нее случилось несколько выкидышей подряд, и муж в конце концов потерял

к ней интерес как к женщине, что разбило ей сердце. Или все было наоборот: каждый раз она со страхом ждала ночи и под любым предлогом отказывала мужу в близости. Вероятно, она нашла себе любовника — какого-нибудь молодого священника. Пережила с ним страстный, но заранее обреченный роман. Возможно, все пятнадцать лет она терпела оскорбления и побои и каждый день, тупо глядя в одну точку, подолгу обдумывала свой побег. Это она могла быть виновницей пожара: одна минута одиночества в пустом помещении, как бы случайно, второпях опрокинутый масляный светильник, безмолвное исчезновение.

Скорее всего, реальная история была намного прозаичнее. Свекровь, вечно напоминавшая о терпении и смирении, и привычно огрызавшаяся Цунено, не имевшая привычки сдерживать свои чувства. Приготовленные ею маринованные овощи, всегда или пересоленные, или недосоленные. Прислуга, с которой она так и не научилась ладить. Соседи, с которыми перессорилась. Муж, которому в конце концов надоело с нею препираться. Нам не дано узнать, как было на самом деле. Никаких свидетельств не осталось. Надо полагать, сама Цунено считала, что об этих пятнадцати годах и вспоминать не стоит.

В те времена в Японии развод не считался катастрофой. Подавляющему большинству девушек предстояло выйти замуж, однако существовало общее понимание, что не каждый брак может быть долговечным. По некоторым данным, с первыми мужьями разводилась почти половина женщин³⁹. В обществе, где столь важную роль играла

совместимость молодых супругов, развод, по сути, выступал в качестве предохранительного клапана, то есть был вполне практичным решением. Как правило, новобрачные жили с родителями одной из сторон, и благополучие домашнего очага во многом зависело от усердия и доброй воли молодой жены, которая вошла в чужую семью, и значительно реже от молодого мужа. Если жених или невеста в чем-то не оправдывали надежд или у кого-то из них обнаруживался фундаментальный недостаток, лучше было сразу отменить брак и предпринять новую попытку, перебирая варианты до тех пор, пока не найдется достойная пара. Это правило касалось как женщин, так и мужчин. Возможно, у всех, кто знал Цунено, невольно возникал вопрос, почему муж отослал ее домой. Нет ли у нее какого изъяна в характере? Вероятно, они гадали, отчего у нее нет детей — вопрос для некоторых семей чрезвычайно важный. Однако развод едва ли помешает ей в дальнейшем снова выйти замуж.

Можно сказать, Цунено не повезло в том, что ее первый брак продлился так долго. Разведись она быстрее, вернись она домой лет в пятнадцать или даже двадцать — перспективы были бы куда лучше. Женщины, успевшие развестись в свои двадцать лет, почти всегда находили новых мужей⁴⁰. Но Цунено было уже двадцать восемь — не самый удачный возраст. Ее отца беспокоило, что дочь слишком стара и вряд ли сможет составить хорошую партию⁴¹.

Новый союз удалось заключить лишь через год, когда наконец к Цунено посватался мужчина, принадлежавший к известному местному роду. Его родные были

не священнослужителями, а крестьянами⁴²; их деревня Осима находилась высоко в горах. Однако семья считалась зажиточной и почтенной. У отца Цунено, должно быть, гора упала с плеч: дочери улыбнулась удача.

В первые дни холодного лета 1833 года встревоженные крестьяне всё надеялись, что тучи разойдутся и наконец проглянет солнце. Гию, с головой уйдя в подготовку торжества, составлял списки покупок к свадьбе сестры. Особого внимания требовало приданое Цунено, отчасти потому, что его содержимое будет выставлено напоказ⁴³ в доме свежеиспеченных свекра и свекрови. Гию всегда волновали приличия; он хотел, чтобы его семья произвела наилучшее впечатление на соседей. Разумеется, будучи мужчиной, да еще и духовным лицом, он смутно представлял себе, как подобает одеваться замужней женщине. Сам он обычно носил темное священническое облачение и не разбирался в тонкостях моды. К счастью, вокруг было немало женщин — включая, конечно, саму Цунено, их мать и Сано, — которые знали, как взяться за дело. «Какой шелк — полосатый или с мелким рисунком — подобает взять для кимоно без подкладки?» — написал кто-то на полях списка покупок. И там же кто-то другой уверенно ответил: «Лучше с мелким рисунком»⁴⁴.

В итоге счет за новую одежду составил более двенадцати золотых слитков, которые Гию выплачивал в рассрочку в течение двух недель⁴⁵. Тем летом замуж выходила и самая младшая сестра Цунено — Тосино⁴⁶. Собрать приданое для обеих невест — это стало серьезной нагрузкой для семейного бюджета. Именно поэтому Гию с благодарностью

принял в дар пятнадцать золотых слитков от будущих свекра и свекрови Цунено⁴⁷, заверив их, что деньги пойдут на приданое.

Вопреки погоде, которая совсем не радовала, начало семейной жизни выглядело благоприятным. В те дни, когда крестьяне, кутаясь в стеганую одежду, выходили на рисовые поля, Гию устраивал прием⁴⁸. Он угощал тринадцать своих прихожан саке и закусками, заплатив стряпухе за труды сверх уговора одну золотую монету. Раздал двести медных монет местным нищим, ожидавшим милостыни по поводу свадьбы⁴⁹, — не получив желаемого, они могли испортить праздник. В храме собрались все, кого можно было ожидать в такой день: ближайшие родственники невесты; жена Котоку, брата Цунено, которая пришла с новорожденным малышом и кормилицей; находившийся в отчаянном положении муж Киёми (хотелось бы надеяться, что инцидент с клеткой был исчерпан); а также посредники-сваты, помогавшие устроить этот брак. Слуг набралось чуть ли не больше, чем гостей, — их было свыше десятка, включая шестерых крепких мужчин, нанятых, чтобы перенести мебель Цунено в другой дом.

Путь к дому жениха в Осиме занял бóльшую часть дня. Идти пришлось все время вверх, по раскисшим от дождей скользким тропам, мимо поднимавшихся террасами рисовых полей, по которым в сторону гор убегали длинные канавки с саженцами риса, высаженными по две-три штуки в ряд. Поля выглядели темными, мрачными; ростки едва-едва виднелись из-под воды. Росли они слишком медленно, и каждый понимал, что урожай будет плохим.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

